

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 178—184.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 178—184.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2024.1.18

УМНАЯ СИЛА РОССИИ: ЛОГИКО-ПОНЯТИЙНЫЙ ДИСКУРС

Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Анастасия Сергеевна Шаповалова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
anastasiashapovalova97@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка обобщить точки зрения на концепцию умной силы, предложенную в свое время Дж. Наем. Зафиксировано место умной силы в бинарной системе «жесткая сила — мягкая сила», отмечена закономерность ее возникновения в силу расширения ресурсной базы международных отношений и внутренней политики. Обоснован синтетический характер парадигмы умной силы, определяемый тремя принципами — дополнительности, неопределенности и системности. Проанализирован российский категориальный дискурс умной силы, определены его динамика и тенденции развития. Сделан вывод о национальной (государственной) специфике трактовок умной силы в американском, российском и китайском тезаурусах. Обоснована эвристичность использования термина “intelligent power” в рамках ноосферного подхода. Предложено определение “intelligent power” в контексте заявленной методологии.

Ключевые слова: жесткая сила, мягкая сила, умная сила, мудрая сила, разумная сила, интеллигентная сила, ноосферная парадигма

Для цитирования: Смирнов Д.Г., Шаповалова А.С. Умная сила России: логико-понятийный дискурс // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 178—184.

Постановка проблемы. Современная эпоха — время формирования нового миропорядка. Условно иерархическая система международных отношений постепенно уступает место гетерархической. Прежние этнологические модели мировой политики оказываются неадекватными реалиям VUCA и WANI миров, бросающим все новые и новые вызовы странам, государствам, культурам, цивилизациям.

Вместе с тем главным свойством субъектов мировой политики была и остается сила, выражающая синтез интересов и ресурсов государства, ценностных и идейных границ существования, его истории. Силовые линии внешне- и внутривнутриполитических систем не могли не претерпеть изменений в условиях нестабильности и хрупкости структур полярного мира, как и лица силы, все более обретающие восточные очертания.

Ставшие уже классическими концепции «жесткой силы» (“hard power”) и «мягкой силы» (“soft power”) проигрывают новым «силовым» парадигмам, ориентированным на равноудаленность от крайностей. Предметом анализа

настоящей статьи является концепция «умной силы» (“smart power”). Его цель — в определении смыслового тезауруса «умной силы» в рамках российско-американского дискурса.

От бинарности к тернарности миропостроения. Исходной для геополитической картины мира считается стратегия «жесткой силы». Последняя предполагает, что для достижения собственных целей актор опирается на принуждение, подкуп и угрозы [Nye, 2004: 14]. «Жесткой» она является именно потому, что ультимативна, будучи подкреплена военным доминированием, экономическими санкциями, прямыми угрозами, и, соответственно, военными действиями [Wilson: 114]. Ограниченность рассматриваемой концепции можно усмотреть в существенной финансовой затратности подобной политики и ее зависимости от других акторов (международного) права.

Антиподом парадигмы «жесткой силы» считается концепция «мягкой силы», предполагающая альтернативный подход к выбору инструментов политики и в целом к ее осуществлению. Для позиции мягкой силы¹ характерно достижение целей через этологию привлечения, или «соблазнения». Ее слоган — «привлечь, а не запугать» [Nye, 2004: 14]. Определяющим инструментом мягкой силы может выступать публичная дипломатия [Лебедева: 217]. Мягкая сила характеризуется легитимностью и моральным весом [Nye, 2004: 16; Nye, Armitage: 6]. Ограниченность данной концепции задается ее ориентацией на длительную перспективу, равно как и «невозможностью быть привлекательным для всех» [Лебедева: 218].

Современная геополитическая практика убедительно свидетельствует о несводимости многообразия глобальной этологии к одной из проанализированных стратегий. Философия международных отношений эпохи пост-пост-модерна вынуждена учитывать новые (недоступные ранее) ресурсы, поведенческую специфику нетрадиционных акторов [Wilson: 113]. Именно в этом тезаурусе и рождается третья (рядопологаемая двум своим предшественникам) концепция «умной силы», знаменующая переход от бинарности к тернарности описания глобального геополитического сознания.

“Smart power” в первом приближении. Концепция умной силы зарождается как «способность объединять “жесткую” и “мягкую силы” в эффективную стратегию» [Nye, 2008: 43]. Она фактически становится ответом на тот факт, что мир стал сложнее, то есть «мир стал умнее» [Wilson: 113].

Одним из первых, кто обратил внимание на фундаментальные изменения мир-системы, стала Сюзанна Носсель (Suzanne Nossel), которая попыталась преодолеть ограниченность жесткой и мягкой парадигм через призму умного подхода — широкой стратегии общества, преодолевающего разнообразие кризисы [Nossel: 136]: геополитический, технологический, антропологический, экологический и другие.

Апологетом собственно концепции «умной силы» по праву считают Джозефа Ная младшего (Joseph Nye Jr.), который одним из первых призвал к насущной необходимости комбинировать «жесткую» и «мягкую силы» [Nye, 2006: 2].

¹ Концепция «мягкой силы», очевидно, является отражением влияния синергетической (открытой) парадигмы в дискурсе геополитики, ибо определяется не столько воздействием на субъект — актора международных отношений (что характерно для «жесткой силы»), сколько изменением окружающей геополитической среды, созданием определенных геополитических условий / реалий.

В нормативном дискурсе “smart power” следует определять следующим образом: «это ни “жесткая”, и ни “мягкая сила”, это умелое сочетание обеих сил. “Smart Power” подразумевает развитие единой стратегии, ресурсной базы, комплекса инструментов для достижения американских целей, опираясь как на “жесткую”, так и на “мягкую силы”» [Nye, 2007: 7]. Она предполагает стратегическое использование дипломатии, убеждения, наращивание потенциала и проецирование силы, влияния способами, которые экономичны и имеют политическую и социальную легитимность [Crocker, Hampson, Aall: 13].

Специфика «умной силы». Во-первых, “smart power” отличает комбинированное применение «мягкой» и «жесткой» сил совместно, а не в рамках разных направлений [Nye, 2007: 9]. Иными словами, «мягкие» и «жесткие» потенциалы объединяются для решения конкретной задачи, а не применяются ситуативно.

Во-вторых, «умная сила» представляется не просто описанием определенного образа действий, характерного для конкретного актора и опирающегося на ресурсные особенности. Она уже предлагает последовательный план достижения целей, работу с ресурсами и потенциалами государства, которая позволит ему добиваться и стратегических, и тактических целей.

В-третьих, “smart power” предполагает учет новейших вызовов мир-системы, которые делают взаимосвязь «частей» мира все более отчетливой. К уже упомянутым вызовам стоит добавить усиливающуюся культурную взаимозависимость, исчерпаемость ресурсов, развитие техносферы, провоцирующее появление новых пространств и угроз безопасности (киберпространство, кибертерроризм).

Таким образом, концепция «умной силы» основывается на фундаментальных принципах — дополнительности, неопределенности и системности.

Умная сила: российский дискурс. Содержательное наполнение умной силы в отечественной теории и практике имеет свою специфику. Уже перевод термина задает иные смыслы (на наш взгляд, более широкие). Так, А.В. Торкунов трактует “smart power” как «умную власть», связывая ее с новым видением мира (новой картиной мира), уходящим от иерархии в сторону успешности сетевых акторов (или гетерархии) [Торкунов: 33]. Автор указывает на ограниченность данной парадигмы в силу того, что не только заведомые возможности отдельных государств неуравнены, но и отдельные задачи требуют индивидуального подхода, предъявляя разные требования и создавая разные вызовы [Там же]. Некоторые исследователи дополняют «умную власть» коннотациями «умной мощи» или, например, «разумной власти» [Soft power...], указывая на то, что в рамках актуального технологического уклада и компьютерно-цифровой реальности привычные инструменты «мягкой силы» порой демонстрируют полную несостоятельность. Так, М.А. Неймарк вводит представление о «пересекающихся сообществах», в которых информация становится основным ресурсом силы вследствие развития и удешевления информационных технологий [Неймарк].

Интерес представляет позиция А.А. Громыко, который развивает парадигму «умной силы», продолжая последнюю до «мудрой силы», хотя и выводит обе из интеллектуальных достижений предыдущих поколений [Громыко: 12]. «Мудрая сила» в философском плане, по автору, предполагает принятие и осуществление экзистенциальных решений, усиливающих позиции государства во внешнеполитическом пространстве.

В отечественном дискурсе отчетливо прослеживается собственная, отличная от либерально-американской, трактовка целей и некоторых инструментов “smart power”. Сам термин отягощается отрицательной коннотацией

(агрессивными информемами). Так, умная сила допускает использование в качестве базового инструмента информационной войны [Soft power...: 35]. А.О. Наумов рассматривает умную силу в контексте «цветных революций» и технологий смены политических режимов [Наумов: 42].

М.А. Неймарк определяет «умную силу» как сугубо прагматичную, направленную на достижение национальных интересов государства [Неймарк], показывая, что залогом такой силы становится «контекстуальный интеллект», выводимый из позитивно-идейной составляющей “smart power”. А.О. Наумов, во многом продолжая логику размышлений А.А. Громыко, говорит о двух ликах «умной силы» [Наумов: 43] — собственно умном (или американистском, геозгостичном) и мудром (вероятно, геоальтруистичном).

Заслуживает внимания трактовка «умной силы» В.Г. Швыдко, который определяет последнюю как разработку и продвижение тех или иных идей и концепций в экспертное и политическое сообщество с целью влиять на политические элиты и политическое руководство и побуждать их к принятию соответствующих решений [Швыдко: 5]. Семиотический по своей сути подход автора предполагает не столько аксиологическую экспансию (распространение «национальных» ценностей), сколько создание стереотипов или моделей поведения, которые напрямую или опосредованно определяют процесс принятия политических решений.

Умная сила: трудности перевода и национальная специфика. Самым распространенным вариантом перевода как в академической риторике, так и в политическом дискурсе остается вариант «умная сила». Однако имеет место и вариативность (нередко в рамках одного текста): «умная мощь», «умная власть», «разумная власть», «мудрая власть», «хитрая сила», «ловкая сила».

О.В. Столетов, выстраивая классификацию “smart power”, делит политику актора на реальную и декларируемую. Таким образом, теоретическую “smart power” США, по мнению О.В. Столетова, допустимо обозначать как «умная сила», в то время как ее реализацию следует подавать в терминах «хитрой» или «ловкой силы» [Столетов].

Наиболее приемлемой следует признать позицию И.А. Чихарева [Чихарев, Столетов], который считает, что перевод термина “smart power” не универсален, а зависит от смыслового наполнения, которым наделяет его конкретный («национальный») актор. Так, для американского смысла более всего подходит термин «разумная сила», где ключевым моментом становился разум, позволяющий находить баланс между инструментами «жесткой» и «мягкой сил». Европейский дискурс следует описывать через призму «скоординированной силы», не балансирующей между инструментами «мягкой» и «жесткой», а координирующей все возможности многочисленных участников объединения. Китай, по мнению автора, обладает «мудрой силой», выводимой из конфуцианской философии и становящейся проявлением традиционной китайской мудрости. А вот российская “smart power” должна пониматься как «трезвая, рациональная и адекватная», то есть не подвергающаяся мифологизации и стереотипизации.

В рамках ноосферной направленности настоящего исследования вызывает интерес категория и концепция “intelligent power” (созданная в дополнение “smart power”), которая помимо привычных дипломатических инструментов и стратегии привлечения вводит такие важные единицы как культурные и религиозные нормы, понимание истории, опора на научные исследования или аналитические аргументы [Syed]. В отечественной традиции за “intelligent power” закрепился

перевод «разумная сила». (Хотя, с нашей точки зрения, более уместен аутентичный перевод «интеллигентная сила» или «интеллигентная власть».)

К главным особенностям «разумной силы» российские исследователи относят «научно-исследовательский потенциал, инновационно-технологический потенциал гуманитарной направленности, потенциал информационно-интеллектуальной защищенности, потенциал дискурсивного влияния, потенциал глобального проектирования в международно-финансовой сфере и в целом в сфере глобального развития» [Чихачев, Столетов: 38]. Есть и иная точка зрения, согласно которой к основным ресурсам «разумной силы» относятся: «использование дипломатии, убеждение, сочувствие к культурным нормам и религиозным чувствам, понимание истории, налаживание личностных мостов, персональный анализ лидеров, поддержку процесса через научные исследования, аналитическую аргументацию, формирование общественного мнения, защиту прав человека, а также (непрямое и ограниченное) использование жесткой силы» [Костырев: 144].

Ноосферное измерение «умной силы». Концепция “smart power”, ставшая ответом на изменения мир-системы, оказывается эвристичной для понимания внешне- и внутривнутриполитической динамики. Современная система международных отношений (как и внутривнутриполитических связей) представляет собой сеть со все более усиливающейся взаимозависимостью всех игроков. Сеть эта в большей степени хаотична и находится в процессе формирования нового баланса сил, где даже ранее незаметные игроки могут достигнуть акторности.

Не только термин, но и сама концепция в новых условиях оказываются полисемантическими. Фактически каждый значимый актор международных отношений или внутривнутриполитического дискурса задает собственные смыслы “smart power”. Например, для американистского дискурса системообразующим свойством концепции выступает позитивная идея глобального мира, предполагающая, что достижение интересов США возможно тогда и только тогда, когда эти интересы разделяет глобальное общество. Для российского дискурса место системообразующего свойства занимает даже не столько интеллект, сколько интеллигенция (с учетом появления термина “intelligent power”), понимаемая в кантовском смысле.

Можно предложить следующее определение умной силы, исходя из российского контекста и соответствующих реалий. Умная, интеллигентная сила предстает как парадигма внутри- и внешнеполитического поведения, которая предполагает отказ от доминанты общечеловеческого и утверждение императивом международных отношений установки на всечеловеческое [Смирнов]. Говоря словами В.И. Вернадского, подобная геополитическая ноосфера, или «устойчивое мировое существование», должна рано или поздно выразиться в реальных формах, таких как усиление связей, в том числе политических, между всеми государствами Земли; усиление роли народных масс в решении вопросов внешней и внутренней политики; исключение войн из жизни человечества.

Список литературы / References

- Громько А.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 3—19.
- (Gromyko A.A. “Soft power” and the power of law: towards the formulation of the problem, *Bulletin of Moscow University, Series 25: International relations and world politics*, 2014, no. 3, pp. 3—19. — In Russ.)

- Костырев А.Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 143—149.
- (Kostyrev A.G. “Intelligent power”, public diplomacy and social networks as factors in international politics, *Polis. Political studies*, 2013, no. 2, pp. 143—149. — In Russ.)
- Лебедева М.М. «Мягкая сила» // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212—223.
- (Lebedeva M.M. “Soft power”, *MGIMO Review of International Relations*, 2017, no. 3 (54), pp. 212—223. — In Russ.)
- Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 274 с.
- (Naumov A.O. “Soft power”, “color revolutions” and technologies for changing political regimes at the beginning of the 21st century, Moscow, 2016, 274 p. — In Russ.)
- Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Дашков и Ко, 2017. 272 с.
- (Neimark M.A. “Soft power” in world politics, Moscow, 2017, 272 p. — In Russ.)
- Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
- (Smirnov A.V. The All-Human vs. the Generally-Human. Moscow, 2019, 216 p. — In Russ.)
- Столетов О.В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2015. 254 с.
- (Stoletov O.V. The strategy of “intelligent power” in the politics of global leadership: dis. ... Candidate of Sciences (Politology), Moscow, 2015, 254 p. — In Russ.)
- Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. Вып. 4 (25). С. 85—93.
- (Torkunov A.V. Education as a soft power tool in russian foreign policy, *MGIMO Review of International Relations*, 2012, vol. 25, no 4, pp. 85—93. — In Russ.)
- Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 5. С. 26—43.
- (Chikharev I.A., Stoletov O.V. On the issue of the relationship between the strategies of “soft power” and “smart power” in world politics, *Bulletin of Moscow University, Series 12: Political sciences*, 2013, no. 5, pp. 26—43. — In Russ.)
- Швыдко В.Г. «Умная сила» на транстихоокеанском пространстве безопасности и сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 9. С. 5—15.
- (Shvydko V.G. “Smart power” in the trans-pacific space of security and cooperation, *World economy and international relations*, 2014, no. 9, pp. 5—15. — In Russ.)
- Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: ИД Дискурс-Пи, 2015. 376 с.
- (Soft power: theory, resources, discourse, ed. by Rusakova O.F., Ekaterinburg, 2015, 376 p. — In Russ.)
- Crocker C., Hampson F., Aall P. Leashing the dogs of war: conflict management in a divided world, Washington, DC: US Institute of Peace Press, 2007, 800 p.
- Nossel S. Smart Power, *Foreign Affairs*, 2004, vol. 83, no. 2, pp. 131—142.
- Nye J.S. Jr. Soft power: the means to success in world politics, New York: Public Affairs, 2004, 191 p.
- Nye J.S. Jr. In Mideast, the Goal is “Smart Power”, *The Boston Globe*, August 19, 2006.
- Nye J.S. Jr., Armitage R.L. CSIS Commission on Smart Power: a smarter, more secure America, *Center for strategic and international studies*, 2007, 82 p.
- Nye J.S. Jr. Powers to lead, Oxford: Oxford University Press, 2008, 240 p.
- Syed K. Soft Power, Smart Power and Intelligent Power, Karachi: University of Karachi, 2010.
- Wilson E.J. Hard power, soft power, smart power, *The annals of the american academy of political and social science*, 2008, 616 (1), pp. 110—124.

INTELLIGENT POWER OF RUSSIA: LOGICAL AND CONCEPTUAL DISCOURSE

Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Anastasia S. Shapovalova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
anastasiashapovalova97@yandex.ru

Abstract. The article attempts to summarize the points of view on the concept of smart power, proposed at one time by J. Nye. The place of smart power in the binary system of “hard power — soft power” is recorded, and the pattern of its emergence due to the expansion of the resource base of international relations and domestic politics is noted. The synthetic nature of the smart power paradigm is substantiated, determined by three principles — additionality, uncertainty and systematicity. The Russian categorical discourse of smart power is analyzed, its dynamics and development trends are determined. A conclusion is made about the national (state) specificity of interpretations of smart power in the American, Russian and Chinese thesauri. The heuristic nature of using the term “intelligent power” within the noospheric approach is substantiated. A definition of “intelligent power” in the context of the noospheric methodology is proposed.

Keywords: hard power, soft power, smart power, wise power, mindful power, intelligent power, noospheric paradigm

For citation: Smirnov D.G., Shapovalova A.S. Intelligent power of Russia: logical and conceptual discourse, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 178—184.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted 26.06.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 28.11.2023.

Информация об авторах / Information about authors

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Институт гуманитарных наук Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Шаповалова Анастасия Сергеевна — аспирант кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anastasiashapovalova97@yandex.ru

Shapovalova Anastasia Sergeevna — Postgraduate student of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anastasiashapovalova97@yandex.ru